

ДАЧНОЕ СЧАСТЬЕ

**ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ**

**Настоящая
черная ведьма**

**МОСКВА
2020**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Звездная, Елена.
3-43 Настоящая черная ведьма/ Елена Звездная. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-114147-9

Черных ведьм и, соответственно, меня бесит все! Бесят вопли местных девиц, требующих сварить им приворотное зелье, бесит наглый белый маг, который ведет себя не по регламенту, но больше всего выбешивает вот этот субъект — новый мэр Бриджуотера, который в день прибытия самым беспардонным образом потребовал от меня собрать чемоданы и покинуть «его город»! И мало того что «милым дитем» обозвал, так еще и решил, что меня, по-томошвенную черную ведьму, нужно воспитывать и защищать.

Все, господин мэр, это война!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114147-9

© Звездная Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Настоящая черная ведьма

С чего началась эта история? Так если припомнить, то, пожалуй, с вопля сестер Блошич, дочерей почтенного торговца Блошича:

— Нам нужно приворотное зелье!

А я терпеть не могу делать приворотные зелья. Бесят они меня. И вопли оголтелых девиц бесят тоже. Меня вообще все бесит, я же ведьма, причем черная и потомственная, так что положение обязывает. Выдала девицам два пузырька с сильно действующим слабительным, заменив этикетки «Послабляющее» на «Привораживающее», и собственноручно дозу препарата увеличила втрое. А чего? Я, между прочим, мужику пользу принесу, у него после такой дозировки не то что кишечник, мозги разом прочистятся.

Но это оказалось только начало.

Часа не прошло, как в мою лавку, носящую весьма непрозрачное название «Лавка черной ведьмы», ломанулся весь «цветник» нашего Бриджуотера. Кого тут только не было! И госпожа Данкан — почетная старая дева города, пережившая девицей три помолвки, десять сбежавших еще до сего акта кандидатов в мужья и одного почти женившегося после принятия моего зелья священника, который у алтаря все же опомнился, никак высшие силы сжа-

лились, сослался на свои обеты и ретировался. И сестры Невелис — все четверо в отца пошли, чем весьма кузнец и гордился, но его могучесть, коренастость и волосатость, на мой взгляд, как-то не слишком девиц красили. Кстати, не только на мой взгляд — мужская часть Бриджуотера придерживалась того же мнения, в результате сестры до сих пор в девках. Но всех затмила матушка Торникай, рванувшая к торговой стойке, где и устроилась, вывалив достоинство, выкормившее всех ее девятерых дочерей собственно на стойку, от чего та жалобно заскрипела, напомнив мне, что пора бы и ремонт сделать. Кстати, жалобно скрипела не только стойка, пол тоже отозвался надсадным стоном, от чего вся толпа сделала синхронный шаг назад, обоснованно опасаясь провалиться в подпол, а о моем подвале ходили страшные слухи, соответственно, туда никто не хотел.

Кроме, похоже, матушки Торникай.

— Уважаемая госпожа ведьма, — начала она без предисловий колоритным басом.

Кстати, дочерям передан такой же и голос, и характер, ничего удивительного, что от них даже портовые грузчики улепетывали.

— А сварите-ка мне зелье! — выдала Торникай.

Скривившись так, словно на завтрак у меня были лимоны, а вовсе не два хрустящих пирожка с ягодами, решительно ответила:

— Не сварю.

— Это еще почему? — возмутилась почтенная.

Хороший вопрос, очень. Глубоко вдохнув, со всем почтением ответила:

— А потому что, госпожа Торникай, зелье для похудения не запивают пинтой пива три раза в день, заедая все

это пирогами с мясом, жареными ребрышками и цельным тортом со взбитыми сливками!

Мадам поморщилась, после махнула рукой, которая сделала бы по объему честь любой мужской ноге, в смысле бедренной части... да что там мужской — упитанные быки могли смело завидовать подобным объемам конечностей, и выдала:

— Ну что вы, госпожа ведьма, это все дело прошлое, а я и так хороша!

Угу, поговаривают, господин Торникай спать предпочитает на чердаке и не спускается с него на первый этаж, пока госпожа Торникай бродит по второму, так как опасается, что не выдержит пол и рухнет прямо на несчастного мужика, который по объему раз в пять меньше супруги. Жаль его, если честно, частенько он ко мне за успокоительным захаживает, сядет в сторонке и вздыхает так жалобно...

— Приворотное мне нужно! — рявкнула матушка Торникай так, что я, задумавшаяся о ее бедном муже, вздрогнула от неожиданности.

Демонстративно прочистив ухо, глянула на мадам, и прямо спросила:

— В город новый холостяк приезжает, да?

У госпожи Торникай согласно затряслись все три подбородка. Остальная толпа тоже радостно и возбужденно закивала.

— Один? — уточнила я.

Кивки усилились.

Кто мне скажет — где логика?! Мужик-то один, а их тут уже штук двадцать в мою лавку набилось, и вот вопрос — делить они его как будут?! Короче, мужика заранее жалко. Потом припомнила сестер Блошич, собственно выданное им слабительное, и... мужика стало еще жальче. С другой

стороны, слабительные у меня безвредные, а лишнее прочищение желудка еще никому не мешало, так что... В конце концов, я злая ведьма и никаких угрызений совести у меня нет!

— Так, — постукивая черными накладными ногтями по торговой стойке, недобро начала я, — зелий приворотных у меня нет.

— Так сварите! — возопила матушка Торникай, подаваясь вперед и жадно оглядывая полки за моей спиной.

Да, проблема. Они же так просто не свалят, да и к окрестным черным ведьмам не пойдут — Грехен из ума выжила, ну так там возраст располагает, стольник разменяла уже, у Мдины после последнего эксперимента по отращиванию волос клиентов нет — а кому понравится, если на лысине начнет трава расти, да не какая-нибудь, а ядовито-синяя, а к Люсинде побоятся, та недавно с мужем развелась, так что в ней явно конкурентку видят. Но и мужика жаль как-то, уж даже и не знаю, с чего... Хотя нет, знаю — вот как замечу алчное выражение лунообразной физиономии госпожи Торникай, так тут же всех холостых жалко становится.

— Ладно, — я поморщилась, едва стойка опять затрещала, — сделаем так — ночью сварю зелье, утром приходите.

Столько радости было. А меня чужая радость бесит. Да вообще все бесит. Особенно трещина, оставшаяся на стойке после ухода массы госпожи Торникай. Тьма, эта женщина становится опасной для окружающих, и собственно окружающие это уже понимают — ничего удивительного, что как только мадам выходит на улицу, все извозчики стремительно исчезают, а потом на пару с лошадьми перепугано из-за деревьев и углов домов выглядывают.

А так больше проблем не было — слух о том, что приворотное только к утру сготовят, видимо, по всему город-

ку расползся. Так что заходили старички Варовски, взяли капель для зрения, им, ювелирам, зрение нужно отменное. Ближе к вечеру заскочил купец Оргун, взял мужского зелья — видать, опять супруга за город укатила... Купец так радовался, так радовался, ручку пытался поцеловать... Нет, не скажу ему, что госпожа Оргун этих зелий втрое больше с собой набрала, да ко всему прочему еще и противозачаточного пять пузырьков.

Ночью «варила» приворотное. Оно ж как — жителям городка подавай в основном специфичные зелья, а у меня, между прочим, специализация по витаминным. Так что полночи я рисовала этикетки вроде «Неземная страсть», «Феерия любви», «Страсть с первого взгляда» и тому подобное, а после быстренько, где-то за полчаса, наклеила их на пузырьки с витаминными настойками. А что — и вреда никакого, и эффект, глядишь, какой-никакой будет. В конце концов, от витаминов еще никому плохо не было, а тут и для красоты, и для крепости ногтей, и для сияющей здоровьем кожи, и для волос — был у нас обыкновенный мужик, станет красавец!

* * *

В итоге утром едва не проспала рассвет, вставать было лень. Но у меня всего одно увлечение, и мне вовсе не хотелось, чтобы о нем кто-то знал. Встала, потянулась и пошла одеваться. Из лавки вышла, как и всегда, в полной тишине — город еще спал, фонтаны спали, фонарщики гасили фонари. Кстати, вот сейчас, когда фонтан на центральной площади не работал, мне была видна городская мэрия. Точнее даже так — моя лавка находилась как раз напротив мэрии, но фонтан всегда закрывал обзор. Собственно, благодаря ему у меня и лавка в таком месте.

У нас как — раз ты черная ведьма, изволь пожаловать на окраину города, а то и вовсе за городскую стену, черных никто не любит. Но два года назад я получила наследство от двоюродного дедушки, который в Бриджуотере был аптекарем. Довольно неплохим, кстати, раз сумел купить дом, выходящий на центральную городскую площадь. Дедушку Эбриэла я не помнила, но наследство пришлось весьма кстати — я как раз закончила магистериум и искала, куда бы податься. Бриджуотер в этом плане был идеален — портовый городок на окраине королевства, население, где все друг друга знали, и доходное место для моей лавки. Так что по приезде я сменила вывеску «Аптека» на «Лавка черной ведьмы», лично выкрасила здание в черный цвет, дабы соответствовало, накупила у местной ребятни трупики летучих мышей, у чучельника — чучело черной кошки, над вывеской изобразила зеленые кошачьи глаза и оказалась вполне довольна новым местом жительства. Недовольным был мэр, прискакавший в одном ботинке в тот же день, как я закончила малярные труды и выразивший свое возмущение. Не повезло ему. Все дело в том, что ведьма я потомственная, а гены на землю не падают, соответственно, характерец у меня не то что бы отвратительный, но... Да ладно, поганый у меня характер и профессии очень даже соответствует. Через три дня заметно полысевший мэр приполз с извинениями и выдал бумаженцию, свидетельствующую о том, что городской совет разрешил черной ведьме Аэтель Герминштейн содержать черномагическую лавку в указанном месте городка Бриджуотер.

Жизнь прекрасна!

Оглянувшись еще раз на предмет своей гордости — черный двухэтажный домик в самом центре города, я посочувствовала окружающим ярко-оранжевым построй-

кам — по поводу вкуса их владельцев и, напевая что-то веселое, махнула рукой сонно проезжавшему мимо извозчику. Последний довез меня до городской стены, почтительно косясь на черный ведьминский плащ. Там, через калитку под уважительными взглядами стражников, которые свято верили, что иду я кого-нибудь приносить в жертву, я вышла в лес, свернула на знакомую тропинку и, убедившись, что вокруг никого нет, сняла плащ и запрятала его в душло.

А затем, глубоко вдохнув напоенный лесными ароматами воздух, сорвалась на бег.

Да, люблю бегать. Нравится мне это. И просыпающийся на рассвете лес, и изгибистые тропки, и сонно потягивающиеся при моем появлении медведи, и рысенок с погрызенным ухом, который по утрам всегда пытается догнать, и озеро, куда ведет крутой склон, и вообще бегать. И потому каждое утро, едва сереет небосклон, я приезжаю на окраину леса и позволяю себе час-полтора носиться среди деревьев как оголтелая, презрев соответствующее статусу черной ведьмы поведение. Ко всему прочему по утрам я вовсе и не ведьма — волосы каштановые, непослушные, вьющиеся, на носу веснушки и глаза ну самые что ни на есть обыкновенные серо-голубые. Это потом я вымажу волосы черным, и они станут прямыми, кожу выбелю, превратив почти в подобие фарфоровой маски, глаза и брови подведу черным, веки — зелеными тенями, что придаст и взгляду зеленоватый оттенок, в уши вставлю тяжелые серьги, на себя напялю длинное платье и шляпу черную остроконечную, на пальцы — табун кричащих серебряных колец, и, собственно, здравствуйте, я ваша черная ведьма.

Утренний забег прошел чудесно. Мокрая и разгоряченная, я вернулась на свою секретную полянку, достала из

дупла плащ, закуталась, скрывая рубашку, брюки и охотничьи ботинки и даже лицо практически и вернулась в город.

Стражники проводили жадными взглядами, выискивая на черном подоле кровавые пятна, извозчик нетерпеливо ждал — не из вежливости, из любопытства скорее. И едва забралась в двуколку, изволил поинтересоваться:

— Как все прошло, госпожа ведьма?

— Замечательно, — беззаботно ответила я.

— А кого-сь сегодня замучили смертью безвременной? — трогая с места, продолжил расспрашивать мужик.

Меня, к слову, чрезмерное любопытство тоже бесит. Меня вообще все бесит, я же говорила.

— Да так, — отозвалась небрежно, — тут в прошлый раз один извозчик разболтался не к месту...

Мужик вздрогнул, спина его стала прямая как палка, но таки спросил:

— И... чего?!

— Ничего, — злобно протянула я.

Выпрямившись еще сильнее и заметно начав вздрагивать, извозчик уточнил:

— Ничего от него не осталось, да?

Нет, он реально думает, что я мужика убила? Судя по всему, да. Ну так у нас, черных ведьм, принцип такой — если о вас незаслуженно говорят гадости — заслужите.

— Ни-че-го, — по слогам кровожадным шепотом повторила я.

До конца пути перепуганный извозчик более не издал ни звука. Приехав на площадь, отказался от оплаты и попросил забыть, как он выглядит. Мстительно солгала, что у нас, черных ведьм, идеальная память на лица... Мужика перекосило.

Довольная собой, пробежкой, утром и в целом жизнью, весело направилась к собственной лавке, планируя

душ, завтрак и весьма прибыльный по причине продажи псевдоприворотного зелья день. Но обогнув две проезжающие мимо кареты, я заметила, что возле моей лавочки стоит группа мужчин и что-то бурно обсуждают. Подходя ближе, узнала в присутствующих господина мэра, который из-за моей мстительности так и остался с проплешиной на макушке, самых уважаемых членов совета и одну незнакомую мне морду лица. Морда была высока, на голову выше присутствующих, широкоплеча, узкобедрая, темноволосая, имела внушительный нос, правильные черты и квадратный подбородок. В общем и целом, должна признать, морда оказалась весьма привлекательна, а выправка свидетельствовала о военной карьере. То есть фактически мне очень даже понравилась. Не понравилось другое — чем ближе я подходила, тем отчетливее становилось видно недовольное выражение морды при взгляде на мою чудеснейшую лавку, и это недовольство некоторые не сочли нужным скрывать. То есть хамим! Стоим перед лавкой самой настоящей потомственной черной ведьмы и откровенно хамим! Где пиетет?! Где испуганная бледность?! Где выдвленная через силу вежливая улыбка?! Это вообще как называется?

Решительно направилась к морде, дабы сообщить, насколько та в конкретный данный момент неправа, но едва подошла...

— Госпожа Герминштейн весьма уважаемая и почитаемая всем городом, господин мэр, — произнес собственно... наш мэр.

Ведьма остановилась, обалдело прислушиваясь.

— Лавка черной магии в центре города недопустима, господин Браден, — глубоким приятным баритоном произнесла привлекательная морда, с недовольством разглядывая связку сушеных летучих мышек над моей дверью.

И так он их рассматривал, что плешку в густой черной шевелюре заслужил однозначно. К слову, и шевелюра у некоторых излишне густая... Но это ничего, проредим!

— Но, господин мэр, — заюлил похоже уже наш бывший мэр, — знаете, это...

— Я в принципе не могу понять, как вы это допустили! — отчеканил, судя по всему, новый мэр. — Лавка черной ведьмы не просто в городе, а фактически напротив мэрии! Или сейчас вы попытаетесь меня убедить в том, что из-за фонтана не видно?!

Господин Браден, уже открывший было рот, тут же его закрыл, и стало понятно, что именно этот аргумент он и собирался озвучить. Морда перевела мрачный взгляд с моих летучих мышек собственно на мэра, а затем его суровый взгляд заметил меня.

В следующий миг с мордой случилась метаморфоза — наспуленные брови расправились, сжатые губы растянулись в вежливой и довольно приятной улыбке, темные глаза нацелились на мои глаза, и волнующий баритон озвучил:

— Милое дитя, вас так заинтересовала наша беседа?

Что??? «Милое дитя»? Я?! Потомственная черная ведьма?! У меня нервно веко задергалось.

— Простите, я что-то не то сказал? — искренне встревожилась морда.

Присутствующие разом заинтересовались «милой дитятей», повернулись в мою сторону и...

Мгновенно синхронно отшатнулись всей толпой, стремительно бледнея и изображая знаки защиты.

Ну наконец-то, слава Тьме.

Морда удивленно глянула на сопровождающих, которые как-то совершенно неосознанно сгрудились за его

спиной, после вновь на меня, на мою лавку, на черный ведьминский плащ, снова на меня.

— Да, я ведьма! Лично для вас — госпожа ведьма! — гордо представилась я, натягивая капюшон, который во время моей заинтересованности излишне сполз назад, открывая мое лицо.

А я, между прочим, еще не накрашена.

Судорожно выдохнув, морда нахмурилась и в свою очередь представилась:

— Новый мэр. Для вас — господин мэр.

— Очень неприятно познакомиться, я бы даже сказала — отвратительно, — сложив руки на груди, заявила чиновнику.

— Взаимно. — Кто-то окончательно охамел.

Все, мэр, одной шевелюрой ты не отделаешься.

— Но я рад, — продолжила самоубийственная морда, — что мне не пришлось вызывать вас в мэрию для беседы и я могу здесь и сейчас сообщить, что не потерплю лавку черной магии в своем городе.

Меня вызвать? Угу. Он не потерпит... ха-ха.

— И потому жду от вас оценки данного имущества, которое мэрия выкупит у вас уже сегодня. К слову, можете паковать чемоданы.

Живут же на свете наивные морды...

— Простите, — я ехидно улыбнулась, — а вы чемоданы уже распаковали?

Вскинув бровь, неуверенно ответил:

— Нет. Я прибыл на рассвете.

Коварно ухмыльнувшись, искренне посоветовала:

— Не распаковывайте.

Морда вскинула и вторую бровь, после враждебно поинтересовалась:

— Вы мне угрожаете?